

3. Селезнев Л.И. Политические системы современности: сравнительный анализ. СПб., 1995. С.64; Политология: Учебник / Под ред. М.А. Василика. М., 2006. С. 290-291.
4. Таблица составлена по: Политология: Учебник / Под ред. М.А.Василика. М., 2006. С. 354, 358-359; Российская газета (Москва). 2003. 20 декабря.
5. Российская газета. 2003. 20 декабря.
6. Барабанов М.В. Роль и место политических партий современной России в формировании государственной власти // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 5. С. 331-332.
7. Там же. С. 331.
8. Там же. С. 332.
9. Федеральный закон от 11 июля 2001 года №95-ФЗ «О политических партиях» (преамбула).

Яркова Е.И.
(Екатеринбург)

**«Красный бандитизм» как фактор социально-политического кризиса общества «военного коммунизма»
(на материалах Екатеринбургской губернии)**

Социально-политический кризис «военного коммунизма» проявлялся, прежде всего, как кризис власти. Недавно сформированные советские и партийные органы демонстрировали свое полное бессилие в управлении регионом. Самоуправство и произвол представителей власти в период «военного коммунизма» часто принимали форму мародерства и грабежа местного населения, и это были не единичные случаи, а явления массового характера (1).

Одним из ярких проявлений кризиса власти на местном уровне являются факты «красного бандитизма», которые имели место в Екатеринбургской губернии в начале 1920-х годов. Причинами «красного бандитизма», по словам работников Екатеринбургского губкома РКП(б), являлись: «тяжелое материальное положение рабочих и полупролетарской части деревни, материальное неравенство, психология наиболее жестокого периода гражданской борьбы... большой элемент бывших белых, на которых переносится ненависть за тяготы материального положения за преступления колчаковской власти» (2).

Весной 1921 г. заместитель председателя Екатеринбургского губернского совета народных судей Лузин в своем докладе на имя заведующего Екатеринбургским губернским отделом юстиции сообщал, что население Каменского уезда «в буквальном смысле терроризировано местными комячейками»(3). Зафиксировано было более десяти случаев самочинного расстрела и даже зверского убийства граждан, заподозренных местными коммуниста-

ми в контрреволюции. Имел место случай одновременного расстрела семи человек. Решение «об изъятии нежелательных элементов» принимала уездная «тройка», состоящая из начальника уездной милиции Боровского, секретаря уездного комитета партии Зырянова, заведующего уездным отделом управления Баландина. Расстрелы происходили в Нижне-Ярской волости и главным их инициатором являлся секретарь волкома РКП(б) А.М. Коуров. У местного населения утвердилось убеждение, «что стоит только не понравиться кому-нибудь из коммунистов и участь будет решена». Были случаи, что крестьяне из боязни самосудов к ночи собирались группами до 7-8 человек в одну избу для сна (4).

В исторической литературе современного периода отражено «егоршинское дело», когда летом 1921 г. на Егоршинских копях, по приговору волостного комитета РКП(б) были убиты три техника-специалиста (5). Данное дело получило широкий резонанс. Организаторы и участники акции (всего 15 человек) были арестованы и отправлены в Москву. Местные и центральные партийные власти увидели в этом деле тенденцию к «спецедействию». Секретарь Екатеринбургского губкома РКП(б) Н.И. Уфимцев заявил: «путем убийства техников-специалистов расчищается дорога для отдельных коммунистов к административно-хозяйственным должностям, а ячеек в целом, — к неограниченному управлению предприятием в духе старой послеоктябрьской партизанской практики» (6). Дело «егоршинских рабочих» даже рассматривалось на секретариате и политбюро ЦК РКП(б) в апреле 1922 г. (7)

Участники егоршинского расстрела специалистов были осуждены на различные сроки заключения – от 3 лет до высшей меры наказания (8). Однако уже в начале 1923 г. некоторые из них были амнистированы. В феврале 1923 г. Ирбитским укомом РКП(б) даже рассматривался вопрос о восстановлении их в партии и назначении на ответственные посты. Президиум Екатеринбургского губкома на заседании 13 февраля 1923 г. дал указание Ирбитскому укому о недопустимости «принятия вновь в партию амнистированных т.т. Агафонова и Пименова, обвиненных по «Егоршинскому процессу», но предложил «перебросить их по профсоюзной линии в другой район» (9). Подобное мягкое наказание убийц расходилось с заявлениями партийных органов о том, что участники самосудов «будут рассматриваться как враги Советской власти и строго преследоваться» (10).

Менее широкий резонанс, чем убийство инженеров имели факты расправ с крестьянами во время ликвидации дезертирских восстаний в Екатеринбургской губернии. Например, в Шемаханской волости Екатеринбургского уезда без суда и следствия отрядом кавалеристов Дрожкина «при колокольном звоне ... у самой церкви» были расстреляны шестеро крестьян, «на которых донесли, что якобы они были дезертирами и воровали скот» (11).

Еще более кровавые преступления в Торговишской и Утинской волостях Красноуфимского уезда осенью и зимой 1920 г. совершал отряд под командованием председателя Торговишского волисполкома И.А. Антонова, который боролся не с «дезертирством, а с мирными гражданами, устраивая самоуправство, бесчинство, избиение граждан и даже убийства с издевательствами, не считая грабежей, производимых под видом конфискации» (12). Расстреливались крестьяне, не платившие своевременно продразверстку или не сдавшие хранившегося у них оружия. Находилось и много других причин для расстрелов, например, был расстрелян крестьянин, отказавшийся выдать замуж за Антонова свою дочь. Представители местной волостной власти не только не протестовали против таких действий, но участвовали в них лично, в том числе и председатель волостного комитета РКП(б) Сысолятин. Уездным партийным органам также было известно о творящихся безобразиях. Несмотря на это, деятельность Антонова не была пресечена и весной 1921 г. из Торговишской волости он был переброшен в Утинскую волость, где «под предлогом вылавливания дезертиров и бандитов, оставшихся после восстания 1920 г.» продолжил производить расстрелы (13).

По делу Антонова судебными органами было арестовано 33 человека (14) ответственных партийных и советских работников Красноуфимского уезда, Торговишской и Утинской волостей (15). Среди них были секретарь Красноуфимского укома РКП(б) Н.М. Семенов, председатель уисполкома Щербаков, начальник уездного политбюро милиции Иванов, заведующий отделом управления уисполкома Я.С. Анфалов (16). Выездной сессией Екатеринбургского губревтрибунала в г. Красноуфимске 1 февраля 1922 г. был вынесен приговор о расстреле семи человек, в том числе начальника уездного политбюро Иванова и предволисполкома Антонова. Однако верховным кассационным трибуналом этот приговор был приостановлен (17).

В «Меморандуме» Екатеринбургской ЧК о «красном бандитизме», составленном для ЦК РКП(б), перечисляются и другие кровавые факты преступлений ответственных работников Екатеринбургской губернии. Например, расстрел на почве личной неприязни двух человек в Нижнесалдинском заводе в марте 1921 г.; убийство членами РКП(б) сестры милосердия Новопышминской больницы (Камышловский уезд); расстрел рабочего Черемшанских каменно-угольных копей Исламова членами партии Ирбитско-Вершининской организации (Камышловский уезд) в июне 1921 г.; расстрел трех человек в селе Троицком Камышловского уезда начальником милиции и милиционерами в июне 1921 г.; убийство арестованного в Кочневской волости того же уезда в мае 1921 г. (18)

В Шадринском уезде в 1921 г. члены ячейки РКП(б) организовывали нападения на «кулаков» «с убийством их и дележкой между собой у них награбленного». Местные крестьяне сами обезвредили «красных бандитов»

«сделали обыск у них, и найдя поделенное, одели в него «коммунистов», и водили по деревням, показывая в назидание потомству» (19).

Центральные и губернские власти осознавали наличие проблемы «красного бандитизма» и по мере сил пытались бороться с ним. Устраивались показательные процессы, на которых виновные приговаривались к самым строгим наказаниям, вплоть до расстрела. Однако зачастую процессы, на самом деле, являлись «показательными» и проводились для того, чтобы убедить местное население в наличии элементов законности и порядка. Приговоренные по прошествии определенного времени амнистировались, восстанавливались в партии и перебрывались на руководящую работу в другой регион. Такие половинчатые меры не позволяли ликвидировать «красный бандитизм» и являлись показателем кризиса власти, охватившем властные структуры Екатеринбургской губернии в начале 1920-х годов.

-
1. Воробьев, С.В. Трудности становления системы управления на Урале: от военного коммунизма к НЭПу // Административно-территориальные реформы в России. К 225-летию учреждения Пермского наместничества. Пермь, 2006. С. 91.
 2. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 41.
 3. ЦДООСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 9. Л. 12.
 4. ЦДООСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 9. Л. 12об.
 5. Делицой А. И. От “Красного бандитизма” — к “спецедействию”: антиинтеллигентские настроения на Урале в первые годы НЭПа // Интеллигенция России в конце XX века: система духовных ценностей в исторической динамике. Екатеринбург, 1998. С. 18.
 6. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 36. Л. 51.
 7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 16.
 8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 45 об.
 9. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 254. Л. 7 об.
 10. ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 36. Л. 51; Делицой А.И. Указ. соч. С. 18.
 11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 13.
 12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 15.
 13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 46 об. – 47.
 14. По другим данным 27 человек (См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л.46 об.).
 15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 14 об.
 16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 46 об.
 17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 47.
 18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 13-14 об.
 19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 84. Д. 344. Л. 45.